

A person wearing a red cloak stands on a stone balcony, looking out over a vast cityscape. In the background, a large mosque with a prominent dome and several minarets is visible. The city is densely packed with buildings, and the sky is filled with birds. The scene is set in a high vantage point, looking down into the city.

Сергей (Вождь)

Тени Византии

Сергей (Вождь)
Тени Византии

«Автор»

2026

(Вождь) С. П.

Тени Византии / С. П. (Вождь) — «Автор», 2026

Константинополь, эпоха упадка Византийской империи. Молодой Димитриос, расследуя волну массовых видений и слухов о «знамениях», обнаруживает страшный заговор. За мистическими символами на стенах скрывается коварный план: с помощью психоактивных веществ правящая верхушка манипулирует сознанием горожан. Но самое страшное открытие ждёт героя впереди: за заговором стоит тот, кому он доверял больше всех, — его собственный дядя. Теперь Димитриос должен не только разоблачить преступников и спасти город от массового мора, но и найти в себе силы противостоять близкому человеку. Тени Византии скрывают правду — и лишь он способен её раскрыть.

© (Вождь) С. П., 2026

© Автор, 2026

Сергей (Вождь) Тени Византии

Глава 1. Врата Востока

Константинополь дышал. Он дышал тяжело, прерывисто, как старый воин, привыкший к боли. Его дыхание — смесь запахов ладана и тухлой рыбы, специй с Востока и дыма от кузнечных горнов — окутывало улицы, проникало в ноздри, оседало на языке.

Димитриос стоял на террасе дворца Вуколеон и смотрел вниз, на Золотой Рог. Вода мерцала, как чешуя мифического змея. Корабли теснились у причалов: византийские дромоны с резными драконьими головами, неуклюжие торговые суда из Венеции, узкие длинные ладьи норманнов. А среди них — новые, незнакомые флаги с вышитыми крестами.

Крестоносцы прибыли.

Он почувствовал их ещё вчера — не глазами, а нутром. Воздух стал гуще, напряжённее. В тавернах зазвучали чужие языки, на улицах появились закованные в железо чужаки с горящими глазами фанатиков. Они смотрели на золотые купола Святой Софии так, будто это были не храмы, а трофеи.

Город раскинулся перед ним, как живая карта империи. На юге — Большой дворец, резиденция василевсов, чьи мозаичные залы помнили Юстиниана. К востоку — дворец Вуколеон, примостившийся над самой водой, с мраморными львами у ступеней. Вдалеке, на холме, сверкала Святая София — купол, будто опрокинутое небо, окружённый башнями-стражами.

Улицы вились змеями: Меса, главная артерия, вела от Золотых Ворот к форуму Константина. По бокам — лавки мянл, аптеки с заспиртованными диковинками, харчевни, откуда доносился запах жареного барашка и чеснока. Над всем этим — стены Феодосия, могучие, семиметровые, с башнями, словно костяшки гигантского чётки.

Но Димитриос видел и другое. Тени в переулках шептали о ересь, шпионах, заговорах. У цистерн собирались очереди — ходили слухи о яде в водопроводе. На площадях фанатики выкрикивали пророчества о конце времён, а паломники крестились при виде каждого креста.

Димитриос провёл рукой по шраму на щеке — давний подарок от печенежского клинка. Когда-то он сражался на границах империи. Теперь его оружие — не меч, а слово, взгляд, умение читать между строк императорских указов. Тайный следователь при канцелярии самого Алексея I Комнина. Охотник за тенями, что скользят в переулках Вечного Города.

Он вспомнил, как неделю назад видел странный знак на стене церкви Святого Георгия — круг с тремя пересекающимися линиями. Местный священник поспешно замазал его известью, бормоча молитвы. А позавчера в квартале Влахерн нашли мёртвого ребёнка — без следов насилия, но с открытыми глазами, застывшими в ужасе. Горожане шептали: «Это они. Чёрные братья вернулись».

— Господин, вас ждут, — тихо произнёс евнух в шёлковом хитоне. Его голос, высокий и ровный, резанул слух.

Димитриос обернулся. Слуга держал свиток, перевязанный пурпурной лентой — знак срочности и важности. Печать с двуглавым орлом не оставляла сомнений: приказ императора.

— Что случилось? — спросил Димитриос, беря свиток.

Евнух опустил глаза:

— В Святой Софии... произошло нечто ужасное. Нашли тело. Евнуха из ближней свиты патриарха. Говорят, на теле — знаки. Такие, что священники боятся их назвать вслух.

Димитриос разломил печать. Внутри — всего несколько строк, но они заставили кровь похолодеть:

«Димитриос. Немедленно явись в Святую Софию. Дело государственной важности. Молчи о том, что увидишь. Алексей».

Он сложил свиток и сунул за пояс. Взгляд снова метнулся к кораблям с крестами. В груди шевельнулось недоброе предчувствие. «Они принесли не только веру, — подумал он. — Они принесли что-то ещё».

Где-то в глубине города, далеко, но отчётливо, раздался крик. Не человеческий — будто кто-то разорвал кожу с криком боли и ужаса. Димитриос напряг слух. Крик повторился, затем стих.

Евнух побледнел:

— Что это было?

Димитриос не ответил. Он уже знал. Это был звук, знакомый ему ещё с тех пор, как двадцать лет назад горели храмы «чёрных братьев». Звук пробуждения тьмы.

По улице пробежала женщина, крича: «Они идут! Они уже здесь!» За ней — группа монахов с факелами, скандирующих: «Искупление через кровь!» На соседней площади зазвонил набат — тревожно, беспорядочно. Люди выбегали из домов, толкались, крестились. Кто-то упал, но толпа, охваченная паникой, не остановилась — лишь ускорила шаг. В воздухе повисло ощущение надвигающейся беды, будто сам город затаил дыхание.

Димитриос сжал рукоять кинжала. Его прошлое, которое он пытался похоронить, возвращалось. Воспоминания нахлынули: пожар в храме Артемиды — крики, дым, фигуры в чёрных плащах; допрос еретика — тот смеялся, говоря: «Он проснётся, когда придут крестоносцы»; приказ императора — «Забыть. Забыть всё».

Теперь он понимал: это не случайность. Убийства, знаки, страх — всё вело к чему-то большему. Что-то древнее и злое пробуждалось под улицами Константинополя, и крестоносцы, сами того не зная, стали ключом к его освобождению.

— Пойдём, — бросил он слуге. — Покажи мне это тело. И молись, чтобы мы успели остановить то, что началось.

Они спустились по мраморным ступеням, и город поглотил их — золотой, величественный, смертельно опасный Константинополь, Врата Востока, где сходятся пути мира и безумия.

Ветер донёс запах ладана и железа. Где-то вдали снова зазвонили колокола — на этот раз все сразу, будто сам город кричал в тревоге.

Глава 2. Кровь на мозаике

Святая София встретила Димитриоса холодом и тишиной. Величественный купол, казалось, давил на плечи, а мозаики святых смотрели с укором. Воздух здесь был густым от ладана и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного. Запах смерти.

У алтаря толпились священники. При виде Димитриоса они расступились, как волны Красного моря. На полу, прямо на золотой мозаике с изображением архангела Михаила, лежало тело.

Евнух из ближней свиты патриарха. Его лицо застыло в гримасе ужаса, глаза широко раскрыты, будто он увидел нечто, что не положено видеть смертному. Но страшнее всего были знаки.

Димитриос опустился на колени, стараясь не запачкать плащ в крови. Она ещё не успела загустеть — убийство произошло недавно. На груди жертвы, прямо над сердцем, были вырезаны три символа: круг с точкой в центре, перевёрнутый треугольник с линией внутри и спираль, закрученная против часовой стрелки. Они были вырезаны аккуратно, глубоко — словно кто-то выполнял ритуал, а не просто калечил тело.

— Что это значит? — тихо спросил Димитриос у архидиакона, стоявшего рядом.

Тот перекрестился, но, помедлив, всё же ответил:

— Не знаю. Но мне кажется, я видел нечто похожее в древних хрониках о катакомбных ересях. Там упоминались знаки, пробуждающие духов земли.

Димитриос достал из сумки увеличительное стекло — подарок венецианского мастера — и принялся изучать символы внимательнее. Под определённым углом стало видно, что линии слегка светятся тусклым, болезненно-зелёным светом. «Экстракт светящихся грибов? — подумал он. — Или что-то... иное?»

Он осмотрел руки жертвы. Пальцы были испачканы в чём-то чёрном, липком. Пахло серой и гнилью.

— Где его нашли? — спросил Димитриос.

— У северной стены, возле ниши с мощами святого Евстафия, — ответил архидиакон. — Один из послушников услышал странный звук — будто кто-то скребётся за стеной. Когда открыли нишу... он потерял сознание.

Димитриос подошёл к нише. Мощи святого были на месте, но каменная плита, закрывавшая тайник за ними, была сдвинута. Он провёл рукой по краям — на пальцах остался тот же чёрный налёт, липкий и холодный на ощупь.

В этот момент он заметил ещё одну деталь. На мозаике, прямо под телом, часть золотых плиток была повреждена. Не просто поцарапана — будто оплавлена. И эта деформация повторяла очертания символов на груди жертвы. «Совпадение? — мелькнуло в голове. — Или часть ритуала?»

Из-за колонны донёлся шорох. Димитриос резко обернулся, положив руку на кинжал. Там, в тени, стояла фигура в чёрном плаще с капюшоном.

— Кто здесь? — резко спросил он.

Фигура не ответила. Вместо этого она медленно подняла руку и указала на мозаику с архангелом Михаилом. Тот самый архангел, чьи глаза теперь казались... живыми. Холодный взгляд будто пронзал насквозь, а крылья, прежде застывшие в благородном изгибе, словно чуть шевельнулись.

Димитриос сделал шаг вперёд, сжимая рукоять кинжала.

— Покажись, — приказал он твёрдо, стараясь не выдать нарастающей тревоги. — Я не стану спрашивать дважды.

Но фигура лишь покачала головой — едва заметное движение в полумраке. Затем медленно отступила вглубь тени, будто растворяясь в ней. В последний момент капюшон чуть сдвинулся, и Димитриос уловил блеск чьих-то глаз — тёмных, пронзительных, полных странной, почти звериной хитрости.

Когда Димитриос снова посмотрел в ту сторону, фигура исчезла. Только лёгкий сквозняк шевелил края чёрного плаща, на мгновение зацепившегося за резной узор колонны, да слабый запах ладана и чего-то ещё, едкого и незнакомого, витал в воздухе.

Он сделал несколько шагов к тому месту, где только что стоял незнакомец, и провёл рукой по холодному камню колонны. Пальцы нащупали свежий след — тонкую царапину, повторяющую очертания круга с точкой в центре. Тот самый знак.

«Они следят не просто за мной, — понял Димитриос. — Они знают каждый мой шаг. И хотят, чтобы я это понял».

Он обернулся к архидьякону, который всё это время стоял в стороне, бледный и напряжённый.

— Вы видели? — спросил Димитриос, указывая на колонну.

Архидьякон медленно подошёл, взгляделся в царапину и перекрестился.

— Видел, — прошептал он. — И это не к добру. Эти знаки... они как метки. Словно кто-то метит добычу перед охотой.

Димитриос сжал кулаки. В голове крутились обрывки воспоминаний: пожар, крики, фигуры в чёрном. Всё возвращалось. Но теперь ставки были выше.

Он опросил послушников. Один из них, бледный юноша с дрожащими руками, признался:

— Я слышал шёпот. Из-за стены. Слова были незнакомые, но... они отзывались в голове. Будто кто-то говорил прямо мне в мозг.

Другой добавил:

— А ещё свет. Зелёный свет, который шёл из-под пола. Я подумал, что это от лампы, но... лампы там не было.

Димитриос вышел из храма на площадь. День уже клонился к вечеру, тени удлинились, а в воздухе висело ощущение, будто что-то вот-то произойдёт. Камень под ногами казался холоднее обычного, а далёкий звон колоколов звучал не как прежде — не призыв к молитве, а предупреждение.

К нему подбежал мальчишка-посыльный:
— Господин, вам письмо!

Он протянул свиток, перевязанный чёрной нитью. Без печати, но бумага была дорогой, необычной — с лёгким перламутровым отливом, будто пропитанной чем-то. Димитриос развязал узел. Внутри был всего один лист с коряво выведенными буквами, словно писавший торопился или скрывал свой почерк:

«Ты видишь знаки, но не понимаешь их. Остановись, пока не поздно. Или станешь следующим».

Димитриос сжал бумагу в кулаке. Ветер подхватил край пергамента, и на мгновение ему показалось, что буквы на нём дрогнули, будто живые. Кто-то следил за ним. Кто-то знал, что он возьмётся за это дело. И кто-то очень хотел, чтобы он отступил.

Он оглянулся на Святую Софию. Купол теперь казался не величественным, а угрожающим. Мозаики святых больше не смотрели с благостью — они наблюдали. Следили. Ждали.

Где-то глубоко под городом, в древних катакомбах, что-то шевельнулось. Будто огромный зверь, спавший веками, почуял запах свежей крови.

Димитриос потёр шрам на щеке. Он знал, что это только начало. Убийства будут продолжаться. Знаки станут сложнее. А граница между реальностью и кошмаром — тоньше.

Он направился к дворцу, но на полпути остановился. На стене ближайшего дома, прямо над его головой, был нарисован тот же символ — круг с точкой в центре. Свежая краска ещё стекала каплями, похожими на кровь.

«Они не просто следят за мной, — понял он. — Они ведут меня. Куда-то. К чему-то».
Глава 3. Тень из прошлого

Димитриос шёл по улицам Константинополя, и каждый шаг отдавался эхом в его голове. Символ — круг с точкой в центре — преследовал его. Он видел его в узорах мостовой, в сплетении ветвей редких городских деревьев, даже в каплях воды, стекающих с карнизов. Будто сам город предостерегал его: «Путь, на который ты вступил, ведёт во тьму».

Город будто изменился за одну ночь. Тени стали гуще, словно налились свинцом, и ложились на мостовые неровными кляксами. Звуки — шаги, скрип дверей, далёкие голоса — доносились с искажением, будто сквозь толщу воды. В каждом переулке чудилось движение: то тень скользнёт за углом, то мелькнёт край чёрного плаща. В каждом шёпоте слышался намёк на угрозу. Димитриос знал этот страх — он чувствовал его двадцать лет назад, когда горели храмы «чёрных братьев». Тогда огонь пожирал не только камни, но и память. Теперь она возвращалась, чтобы отомстить.

Он свернул в узкий переулок, ведущий к его дому в районе Влахерн. Здесь, вдали от дворцов и главных улиц, жили ремесленники и мелкие торговцы. Но сегодня даже этот привычный район казался чужим, враждебным. Окна домов смотрели слепо, ставни были плотно закрыты. На улице — ни души. Только ветер гонял обрывки пергамента и ворошил мусор у стен.

У двери своего дома Димитриос замер. Ручка была тёплой, будто кто-то только что её касался. На пороге лежал свёрток, перевязанный той же чёрной нитью, что и письмо у Святой Софии. Внутри — старая книга в кожаном переплёте, потрёпанная, с выцветшими чернилами. Кожа обложки была шершавой на ощупь, будто не из кожи вовсе, а из чего-то иного.

«Трактат о Спящих под Городом», — прочитал он на обложке.

Страницы были испещрены схемами, рисунками странных существ с множеством глаз и щупалец, описаниями ритуалов с перечнями жертв. На одном из разворотов — подробное изображение тех самых символов, что были вырезаны на теле жертвы. Рядом — заметка на полях, сделанная другим почерком: «Пробуждение наступит, когда придут воины креста. Кровь откроет врата».

Димитриос закрыл книгу, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Всё сходилось: крестоносцы прибыли, первое убийство совершено, знаки появились. Кто-то целенаправленно готовил пробуждение чего-то древнего и ужасного. Он провёл пальцем по обложке — под кожей что-то шевельнулось, будто насекомое. Отдёрнул руку. Книга лежала неподвижно. «Показалось?»

Он решил навестить Марка Ксифилина, старого библиотекаря Великой библиотеки, единственного человека, которому ещё мог доверять.

Библиотека встретила его тишиной и запахом пергамента, но в этот раз запах был другим — к нему примешивался сладковатый, тошнотворный аромат, напоминающий запах крови. Марк, сгорбившись над столом, перебирал свитки. При виде Димитриоса он вздрогнул:

— Ты пришёл за тем же, что и другие? — хрипло спросил он.

— Другие? — насторожился Димитриос.

— Да. Двое в плащах без знаков. Спрашивали о древних культах, о «Спящих». Я не дал им ничего. Но они вернутся.

Марк достал из-под стола потрёпанную рукопись:

— Вот. Последнее, что я нашёл. Описывает ритуал пробуждения. Для завершения нужно семь жертв, каждая — с определённым символом. И последняя жертва должна быть... императорской крови.

Димитриос почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Если ритуал действительно требует семи жертв, то они уже на пути к цели. И если последняя должна быть из императорской семьи...

Выходя из библиотеки, Димитриос заметил слежку. Тень в плаще скользила за ним, прячась в переулках. Он резко свернул за угол и прижался к стене. Когда фигура в плаще появилась в проходе, Димитриос бросился на неё.

Под капюшоном оказалось лицо молодого монаха, бледного и испуганного.

— Я не враг! — прошептал он. — Я из братства Святого Марка. Мы следим за культом «чёрных братьев» уже десять лет. Они вернулись, господин. И они готовят что-то страшное.

— Что именно? — жёстко спросил Димитриос.

— Пробуждение Того, Кто Спит Под Городом. Древнее божество, которому поклонялись ещё до основания Византии. Его храм был под Святой Софией, но его запечатали, замуровали, забыли. А теперь они хотят открыть его снова.

Монах протянул свиток:

— Здесь имена тех, кто может быть следующей жертвой. И место, где, возможно, держат жрецов культа.

Димитриос развернул свиток. В списке было пять имён, среди них — имя патриарха. А внизу — адрес заброшенного дома у старых цистерн.

К вечеру Димитриос добрался до указанного места. Дом стоял на окраине, окружённый зарослями терновника с шипами длиной с палец. Дверь была выломана, внутри — следы недавнего присутствия. На полу — пятна крови, на стенах — те же символы, что и на жертве. Воздух здесь был густым, липким, будто пропитанным страхом.

Из подвала доносились звуки — низкий гул, похожий на хор сотен голосов, шепчущих в унисон. Димитриос достал кинжал и факел, зажгёт огонь. Пламя дрогнуло, будто от невидимого ветра, и на мгновение в его отблесках он увидел фигуры в чёрных плащах, склонившиеся над чем-то в центре подвала.

Они повернулись к нему. Лица скрывали маски, но глаза светились тем же болезненно-зелёным светом, что и символы на теле жертвы.

— Ты опоздал, следовательно, — произнёс один из них глухим, нечеловеческим голосом. — Ритуал начался. Кровь уже пролилась. Скоро Он проснётся.

Факел в руке Димитриоса погас. В крошечной тьме он услышал шаги, приближающиеся со всех сторон. Что-то холодное, влажное коснулось его шеи.

— Но ты можешь стать частью Его пробуждения, — прошептал голос совсем рядом.

Димитриос отпрянул, ударил наугад кинжалом. Раздался крик, затем топот ног — фигуры бросились прочь через потайной ход в стене.

Когда он снова зажгёт факел, подвал был пуст. На полу осталась только одна вещь — медальон с изображением круга и точки в центре. Димитриос поднял его, сжал в кулаке. Металл был ледяным, и от него исходило слабое пульсирующее тепло, будто внутри билось чужое сердце.

Теперь он знал: времени почти не осталось. До седьмой жертвы — считанные дни. И он был единственным, кто мог это остановить

Глава 4. Кровь и пепел

Димитриос вернулся домой, но покоя не было. Медальон, лежавший на столе, пульсировал слабым светом — будто дышал. Димитриос накрыл его куском чёрной ткани, но зеленоватое свечение пробивалось сквозь материю.

Он разложил перед собой свиток с именами потенциальных жертв. Патриарх — первое имя в списке. Следующие четыре оставались загадкой. Седьмая жертва — из императорской крови. Димитриос провёл пальцем по пергаменту. Кто-то методично шёл к цели, и времени оставалось всё меньше.

За окном послышался шорох. Он резко обернулся. В щели ставни что-то блеснуло — глаз? Коготь? Он шагнул к окну, но там уже никого не было. Только ветер гнал по улице обрывки пергамента и ворошил мусор.

Димитриос решил отправиться в архивы Великой библиотеки — искать упоминания о «Спящих» и древних ритуалах. Путь лежал через тёмные кварталы, где фонари горели редко, а тени казались слишком густыми.

На углу улицы Святой Ирины он остановился. В луже, отражавшей бледный свет луны, плавали красные капли. Кровь. Она тянулась тонкой дорожкой к старой часовне. Димитриос достал кинжал и двинулся следом.

Дверь часовни была приоткрыта. Внутри пахло ладаном и чем-то ещё — гнилью, разложением. На полу, прямо перед алтарём, лежало тело. Молодой монах, тот самый, что предупредил его о культе. Глаза были выколоты, на груди вырезаны те же символы: круг с точкой, перевёрнутый треугольник, спираль.

Рядом с телом лежал свиток. Димитриос развернул его дрожащими руками. Это был фрагмент древнего текста — описание ритуала пробуждения. Семь жертв, семь знаков, семь ночей. Каждая жертва усиливала связь с Тем, Кто Спит Под Городом. Последняя капля крови должна была пролиться в ночь полнолуния — через три дня.

Внизу страницы, дрожащим почерком, было дописано: «Они знают, что ты ищешь. Остерегайся теней — они видят в темноте».

Архивы встретили его тишиной и запахом старого пергамента. Димитриос зажёл лампу и начал перебирать свитки. Один из них привлёк его внимание — «О запечатанных вратах и древних богах». В нём говорилось о храме под Святой Софией, где поклонялись существу, чьё имя не смели произносить вслух. Его запечатали, замуровали, но культ «чёрных братьев» сохранил память.

На полях кто-то сделал пометку: «Печать слабеет. Когда придут воины креста, врата откроются вновь».

Димитриос замер. Крестоносцы прибыли. Первое убийство совершено. Ритуал шёл по плану.

Он услышал шаги за спиной. Резко обернулся — в проходе между стеллажами мелькнула тень. Высокая, неестественно прямая. Димитриос бросился следом, но когда достиг конца прохода, там никого не было. Только на полу остались следы — будто кто-то протащил что-то тяжёлое в сторону подвала.

Лестница в подвал была узкой и крутой. Воздух становился всё тяжелее, пахло сыростью и чем-то металлическим. Внизу горели факелы — странно, ведь архивы никогда не освещали так глубоко.

В центре зала стоял стол. На нём — раскрытая книга с теми же символами. Вокруг — семь свечей, пять из них горели. Шестая лежала сломанная. Седьмая, самая большая, оставалась нетронутой.

У стены, прикованный цепями, висел Марк Ксифилин. Глаза старика были открыты, но он не двигался. Димитриос подбежал к нему, коснулся шеи — пульса не было. На груди — вырезанный символ: спираль. Пятая жертва.

— Ты опоздал, — раздался голос за спиной.

Димитриос обернулся. В дверном проёме стоял человек в чёрном плаще. Лица не было видно, но глаза светились тем же болезненно-зелёным светом.

— Он пробуждается, — продолжил незнакомец. — Ты чувствуешь? Город дрожит. Камни шепчут. Скоро Он выйдет.

— Кто ты? — глухо спросил Димитриос.

— Я — последний из тех, кто помнит. И первый, кто встретит Его.

Незнакомец поднял руку. Свечи на столе вспыхнули ярче, пламя закружилось, образуя в воздухе очертания символов. Воздух загустел, стало трудно дышать.

Димитриос выхватил кинжал.

— Ты не получишь остальных жертв.

— О, получишь, — усмехнулся незнакомец. — Потому что следующая — твоя.

Он сделал шаг вперёд. Димитриос бросился на него, но фигура растаяла в воздухе, оставив после себя лишь запах серы и слабый отблеск зелёного света.

Димитриос стоял над телом Марка. В голове крутились обрывки информации: семь жертв, полнолуние через три дня, патриарх в списке, императорская кровь.

Он поднял с пола медальон — тот больше не пульсировал. Вместо этого на его поверхности проступил новый символ: спираль, закрученная против часовой стрелки. Пятый знак.

Где-то далеко, под улицами Константинополя, что-то шевелилось. Будто гигантское сердце, спавшее веками, сделало первый удар.

Димитриос закрыл глаза. Теперь он знал, что делать. Завтра он пойдёт к патриарху. Завтра он раскроет правду. А пока — ночь, тени и отсчёт последних дней до полнолуния.

Глава 5. Шестая ночь

Ночь накрыла Константинополь, как тяжёлый саван. Димитриос шёл к патриарху через пустынные улицы — город словно вымер. Даже бродячие собаки попрятались. В воздухе висела гнетущая тишина, нарушаемая лишь редкими порывами ветра, который шевелил лохмотья на виселицах у ворот.

Он сжимал в кармане медальон — тот больше не пульсировал, но поверхность его оставалась тёплой, почти горячей. Символ спирали теперь казался вдавленным в металл, будто выжженным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.